

Скрытое пламя

Едва Чжао Лои переступил порог, как Ли Мэн хлопнул себя по коленям, собираясь подняться.

— Младший брат! — Цюй Линьхань с тревогой покосился на дверь.

— Ноги совсем затекли, — вполголоса пожаловался Ли Мэн.

Поразминав затекшие члены под удивлённым взглядом названного брата, он, вопреки ожиданиям, снова опустился в глубокий присед. Вытянув руки перед собой для равновесия, он с ухмылкой велел Цюй Линьханю принести ему завтрак.

Чжао Лои, наблюдавший за этой сценой с конька крыши, невольно улыбнулся. Ещё пара бесшумных прыжков — и его силуэт растаял за высокой стеной.

Позавтракав, Ли Мэн по памяти записал все формулы сосредоточения внутренней энергии. За те два года, что он провёл подле Чжао Лои, его внешнее мастерство оставляло желать лучшего, но то, с какой лёгкостью он воспроизводил сложнейшие мысленные ключи, наполнило его внезапной гордостью. Выходит, не такой уж он и бесполезный! Да и техника лёгкости у него, по правде сказать, была отточена до совершенства — проскользнуть в императорский дворец для него не составило бы труда, хромали лишь боевые приёмы.

Разгоревшись любопытством, Ли Мэн возжелал узнать, что ждёт его на следующей ступени. Он небрежно бросил исписанный лист Цюй Линьханю и принялся бесцеремонно рыться в его вещах.

— Где руководство, которое учитель велел мне освоить? — допытывался он. — Кончай прятать, выкладывай всё сразу.

Цюй Линьхань со вздохом извлёк из-под подушки старинную книгу в нитяном переплёте. Ли Мэн просиял и тут же выхватил её из рук названного брата.

— Надо же, как зеницу ока бережёшь, — хмыкнул он и, вскинув подбородок, требовательно протянул раскрытую ладонь: — А остальные две где?

Цюй Линьхань упрямо вскинул голову:

— Учитель велел сначала до дыр затереть эту. — Он ревниво покосился на раскрытые страницы в руках младшего.

Ли Мэн шутливо отвесил ему лёгкий подзатыльник:

— Иди зубри формулы. Сперва нужно укрепить нэйцзинь, а уже потом браться за приёмы. Я свою внутреннюю силу два года пестовал, так что тебе это руководство светит только через два года. И ни единым днём раньше!

—...

Заполучив заветную книгу, Ли Мэн жадно пролистал её от корки до корки. Почерк у Чжао Лои был, мягко говоря, неказистым, зато пояснительные рисунки вышли на удивление чёткими. Тонкие, изящные штрихи складывались в человеческие фигурки, которые казались почти живыми. Глядя на эти крошечные чёрные точки вместо глаз и представляя, как суровый, вечно занятый скрытными делами Чжао Лои долгими вечерами кропотливо выводил кистью каждую чёрточку, Ли Мэн невольно заулыбался. Сердце затопила волна нежности, а в груди вспыхнул азарт — безумно захотелось немедленно испробовать новые приёмы в деле.

Впервые в жизни он ощутил реальную надежду вырасти в великого мастера. Прежде ему казалось, будто Чжао Лои попросту не желает делиться секретами, но теперь, размышляя о глубине и непостижимости этого человека, Ли Мэн начал понимать: учитель, должно быть, давал ему время. Время на то, чтобы осознать, действительно ли он хочет связать свою судьбу с цзянху. Ведь мир рек и озёр разительно отличался от чиновничьих кабинетов — здесь признавали лишь право сильного.

Ему уже исполнилось пятнадцать. Снова садиться за книги и обрекать себя на долгие годы зубрёжки? Ли Мэн трезво оценивал свои способности: выдающимся умом он не блистал, довольствуясь лишь житейской смекалкой, а потому шансы выбиться в первые ряды на императорских экзаменах стремились к нулю. Глядишь, доползёт он до должности какого-нибудь уездного писца годам к сорока, да только кто знает, усидит ли к тому времени на троне нынешний правитель.

Меч в руке Ли Мэна взлетел, расчертив воздух резким взмахом; рождённый этим движением поток истинной ци заставил цветущие ветви в саду затрепетать.

— Младший брат, ты... ты видел?! — Цюй Линьхань запрыгал на месте от восторга, переплунув в эмоциях самого исполнителя.

— Конечно видел! — расхохотался Ли Мэн. — И это я ещё вполсилы!

Пытаясь придать себе максимально эффектный и грозный вид, он закружился в изящном пируэте и, отдавшись на волю воображению, широким замахом обрушил клинок на ствол векового дерева.

Дерево даже не шелохнулось.

Цюй Линьхань перевёл взгляд с замершего исполина на опешившего Ли Мэна и сочувственно хлопнул того по плечу:

— Мастерство требует усердия, брат. За один день горы не свернёшь. — Он озадаченно почесал затылок: — Погоди, а в первый раз... может, просто ветер дунул? Что-то я не припомню, чтобы сегодня обещали бурю.

Ли Мэну до смерти захотелось пришибить умника на месте.

Впрочем, шутки шутками, а парень прекрасно понимал: достичь высот Чжао Лои за день невозможно. Но лет за пять — вполне вероятно. Через пять лет ему стукнет двадцать, а учителю исполнится тридцать три. К тому времени они наверняка расквитаются со всеми долгами крови, и тогда можно будет отыскать уединённый уголок среди тихих рек и зелёных гор.

— Младший брат, ты чего на меня так уставился? — заметив его затуманившийся взор, запнулся Цюй Линьхань.

— Да так, ни разу не видел столь забавной физиономии, — отмахнулся Ли Мэн.

«Когда придёт время, — подумал он про себя, — я просто оставлю этого недотёпу позади. Мы с Чжао Лои уйдём вдвоём, станем вольными странниками, будем защищать слабых и карать негодяев. Какая же это будет жизнь — свободная, беззаботная!»

Но одна мысль по-прежнему не давала ему покоя. В памяти то и дело всплывали слова Сяо Чанчу, сказанные той ночью в управе Цяня, когда она с помощью гу выманила его на тайную встречу.

Их семейная трагедия... Действительно ли женщина лишь пыталась манипулировать им, заставляя подчиняться, или за гибелью его близких крылась какая-то иная, куда более мрачная тайна?

В течение двух лет Ли Мэн твёрдо верил, что виновником его бед является сам император. Оказавшись в Линьчжоу, он при малейшей возможности пробирался во дворец — присматривался, изучал охрану. Сознавая, что с нынешними силами подобраться к повелителю Поднебесной невозможно, парень относился к этим вылазкам на удивление легковесно. И всё же каждый шаг, приближавший его к покоям внутренних покоев дворца, дарил ему ощущение, что месть осязаема и близка.

Однако загадочные намёки Сяо Чанчу перевернули всё с ног на голову. Оказалось, в деле замешано нечто гораздо более сложное, чем прямая вина государя. Из-за этих мыслей во время последнего визита в Линьчжоу Ли Мэн даже забыл навестить своих «старых знакомых» из числа дворцовых стражников. Имён их он, разумеется, не знал, но знатно веселился, когда те с криками гонялись за ним по крышам, в итоге либо соскальзывая с черепицы, либо в панике влетая прямо в курятники.

Предчувствие, что пролитая кровь его родни скрывает под собой глубокий омут тайн, тяжёлым

камнем легло на сердце Ли Мэна. И очень скоро эта тревога начала находить подтверждение.

Следующие два месяца пролетели в упорных трудах. Пока Цюй Линьхань корпел над дыхательными техниками, он умудрялся мастерить для младшего брата занятные безделушки. К примеру, кожаную перчатку со скрытым в ладони механизмом для метания игл, которую он гордо окрестил «Медвежьей лапой».

Ли Мэн в таких игрушках особой нужды не испытывал, но расстраивать товарища не хотел и прилежно складывал все подарки в сундук — на всякий случай.

Преодолев первые, самые тяжёлые пять дней, юноши привыкли подниматься до первых петухов. Сначала они тренировались порознь, не мешая друг другу. Цюй Линьханю никак не давалось развитие внутренней энергии, зато в тонкостях боевых стоек он разбирался куда быстрее Ли Мэна. Когда Чжао Лои отлучался по делам, а Ли Мэн заходил в тупик, пытаясь расшифровать очередной затейливый рисунок в руководстве, пара тренировочных схваток с названным братом помогала ему мгновенно уловить нужный баланс.

Ужинали они втроём. Ли Мэн больше всего любил предзакатные часы: небо тогда окрашивалось в багровые тона, а облака горели золотом. Это зрелище не только радовало глаз, но и знаменовало собой долгожданный отдых после изнурительного дня, полного пота и усталости.

По вечерам Ли Мэн не давал проходу Чжао Лои, настойчиво вовлекая его в разговоры. Тот по-прежнему оставался немногословен, однако за это время они научились понимать друг друга без лишних слов, улавливая малейшие перемены в настроении друг друга.

Как-то раз Чжао Лои сильно задержался. Ли Мэн тем временем заглянул к Сюэ Фэну, где его угостили отменным вином. Хмельной напиток настолько пришёлся юноше по вкусу, что он, не удержавшись, прихватил пузатый кувшин с собой в спальню.

Переступив порог комнаты, Чжао Лои уловил терпкий аромат алкоголя, и его взгляд мгновенно потемнел.

Подойдя к постели, он обнаружил Ли Мэна, который растянулся поперёк одеяла. Юноша заметно вытянулся за последнее время; полы его халата распахнулись в беспорядке. Кто бы мог подумать, что этот вчерашний слабак успел обзавестись крепким прессом — на животе отчётливо проступали четыре аккуратных кубика. Чжао Лои сам не заметил, как его ладонь опустилась на эту тёплую, упругую плоть. Кожа под пальцами была горячее, а лицо Ли Мэна, дышавшее винным жаром, густо покраснело.

Ли Мэн лениво приоткрыл один глаз и, убедившись, что перед ним стоит Чжао Лои, со спокойной душой снова зажмурился.

— Учитель... вы вернулись... — сонно пробормотал он.

— Ты мылся? — негромко спросил тот.

Сквозь пелену хмеля Ли Мэн расслышал вопрос и резко хлопнул себя ладонью по лбу, растерянно распахнув глаза:

— Ой, точно... забыл совсем. И как я только в постели оказался?..

Пошатываясь, он попытался подняться, но ноги не слушались, и он без сил рухнул грудью прямо на Чжао Лои.

— Погоди спать. Сначала вымойся, — Чжао Лои попытался расшевелить его, приподняв за плечи, но ответа не последовало. Парень уже сладко посапывал, уронив голову ему на плечо.

Вздохнув, Чжао Лои притащил в комнату объёмистую лохань, наполнил её горячей водой и осторожно опустил туда Ли Мэна. Но стоило ему потянуться, чтобы промыть парню волосы, как тот соскользнул в сторону и чуть не ушёл под воду с головой — наружу торчал только кончик носа, пускавший череду забавных пузырей.

Пока Чжао Лои возился с ним, смывая хмель и дорожную пыль, он невольно поймал себя на мысли, что мальчишка за последнее время превратился в мужчину. И дело было не только в росте.

Когда они только покинули столицу, Ли Мэн являл собой типичного изнеженного барчука — кожа да кости. Отец его, сугубо мирный чинуша, пороха в жизни не нюхал, и сынок уродился под стать — бледный, хрупкий заморыш. Поначалу они только и делали, что лечили его бесконечную лихорадку: то простуда, то несварение. Чжао Лои тогда натерпелся с ним по горло.

Но время шло, и Ли Мэн незаметно вымахал почти до его плеча. А ведь раньше, помнится, даже на цыпочках едва доставал Чжао Лои до груди. Растущий организм — за год прибавил добрую ладонь в росте.

— Учитель! — внезапно выдохнул Ли Мэн.

Он резко перехватил запястье мужчины, и деревянный ковш, из которого тот поливал его вихры, с плеском улетел в воду.

Вода в лохани была горячей — Чжао Лои расщедрился на дрова, — и теперь кожа Ли Мэна порозовела от распарившего её тепла.

Парень с трудом разомкнул отяжелевшие веки. Его затуманенный, лихорадочный взгляд сфокусировался на лице Чжао Лои. Ли Мэн неуверенно поднял руку, намереваясь коснуться его щеки, но ладонь соскользнула и тяжело опустилась на широкое плечо мужчины.

Сжав пальцы на мокром вороте его рубахи, Ли Мэн потянул Чжао Лои на себя, прижимаясь к его губам.

Клубы пара окутывали их плотной белой дымкой. И в этой туманной неге влажные, тёмные глаза Ли Мэна сияли подобно созвездию Большой Медведицы на ночном небосклоне — пронзительно, завораживающе, отражая глубокий внутренний свет.

Юноша робко и неумело коснулся его кончиком языка. Чжао Лои замер, не шевелясь, чувствуя, как этот горячий, скользящий жест настойчиво пытается разомкнуть его плотно сжатые губы.

В глубине его глаз, обычно холодных, словно у хищного ястреба, вспыхнула искра потаённого пламени. Мужчина оставался неподвижен, подобно гранитному утёсу, но его зрачки сузились, пока влажный и мягкий язык Ли Мэна нерешительно, почти пугливо очерчивал контур его губ.

На долю секунды Чжао Лои затаил дыхание, прищурившись.

Хмель хоть и кружил голову, но рассудок Ли Мэна окончательно не покинул. Он прекрасно понимал, что Чжао Лои сейчас его моет. Изначально коварный план состоял в том, чтобы просто безнаказанно украсть парочку поцелуев да облапать своего строгого наставника — с пьяного-то какой спрос?

Но события стремительно вышли из-под контроля. Опомниться он успел лишь тогда, когда они оба, насквозь промокшие, покатались на кровать. Прохладный воздух спальни на мгновение отрезвил его, но накатившая следом резкая головная боль мгновенно убила всякие попытки к сопротивлению.

Он отчётливо чувствовал прикосновения шершавых, покрытых мозолями ладоней Чжао Лои, которые с пугающим мастерством ласкали его тело. Это было странное, ни с чем не сравнимое ощущение. В тишине комнаты раздавалось тяжёлое, прерывистое дыхание мужчины и его тихий, сдавленный стон, рождавшийся где-то в глубине горла. От этих звуков и без того пылавшая плоть Ли Мэна загорелась с новой, невыносимой силой.

В конце концов Ли Мэн содрогнулся всем телом, и вместе с этой сладостной судорогой остатки хмеля окончательно выветрились из его головы.

Чжао Лои откинул одеяло и поднялся, уходя. В ту же секунду освободившееся пространство заполнил ночной сквозняк, бесцеремонно забравшись под нагретую постель.

Когда Чжао Лои вернулся с влажным полотенцем, Ли Мэн сидел на постели, накинув одеяло на плечи и отрешённо глядя перед собой. При виде вошедшего мужчины он часто захлопал ресницами, и в его глазах блеснула непрошенная влага.

«Неужто с ума сошёл от стыда?» — закралось подозрение в голову старшего.

Чтобы развеять сомнения, Чжао Лои зажжёт светильник. Стоило слабому огоньку разогнать мрак, как парень стремительно зарылся под одеяло с головой.

Уши и шея Ли Мэна полыхали жаром. Он понимал, что сейчас красен как рак, и меньше всего на свете хотел представать в таком виде перед Чжао Лои. Боги, что за глупости он выкрикивал мгновение назад?! И ведь надо же было такому случиться — кончить прямо в ладонь собственного учителя...

Ли Мэн завернулся в одеяло, напоминая глухой кокон шелкопряда, и принялся в крайнем смятении кататься по кровати.

Почувствовав, что одеяло у него пытаются отобрать, он мёртвой хваткой вцепился в края. Уберечь голову не удалось: наружу высунулся взлохмаченный затылок и испуганные глаза, встретившиеся с на удивление мягким взглядом Чжао Лои.

—... — на лице Ли Мэна читалось крайнее замешательство.

Чжао Лои не проронил ни слова и сохранял привычное бесстрашие, но Ли Мэн каким-то седьмым чувством понял: тот не злится.

— И долго ты собираешься держать меня на холоде? — негромко спросил Чжао Лои. На нём была лишь лёгкая нательная рубаша — та самая, что намочила во время купания.

Конечно, Ли Мэн прекрасно знал, что такому мастеру подобные сквозняки нипочём, однако послушно приоткрыл одеяло, освобождая место.

— Свет! — поспешно напомнил он.

Чжао Лои щёлкнул пальцами, и комната погрузилась в темноту.

— Учитель... я... я просто выпил лишнего, — виновато пробормотал из темноты Ли Мэн.

Чжао Лои лишь коротко хмыкнул и под одеялом накрыл его влажную ладонь своей. Ли Мэну сделалось неловко: тело всё ещё содрогалось от отголосков недавней ласки, а эта рука...

Ему вспомнилось, как эта самая ладонь — настойчивая, неумолимо игнорирующая его робкие попытки отстраниться — уверенно вела его к вершине блаженства.

Дыхание Ли Мэна вновь стало горячим. Он повернул голову, всматриваясь в полумраке в

точёный профиль Чжао Лои. Поколебавшись секунду, он подался вперёд и нежно коснулся губами его переносицы. В ответ Чжао Лои медленно повернул к нему лицо и слегка провёл языком по собственным губам.

Сердце Ли Мэна пустилось вскачь. Он опустил взгляд и, робко потянувшись навстречу, запечатлел на губах мужчины мимолётный, невесомый поцелуй.

— Спи, — тихо скомандовал тот.

Крепкая рука Чжао Лои обвила его талию, притягивая к себе. Весна, похоже, окончательно вступила в свои права, а может, уже близилось лето — лежать вот так, тесно прижавшись друг к другу под одним одеялом, было невыносимо жарко. Но Ли Мэн, уткнувшись носом в тёплую шею наставника и чувствуя ласковое прикосновение его кожи, лишь крепче зажмурился. От этой пронзительной нежности у него внезапно защипало в глазах.

Той ночью Ли Мэн осознал со всей отчётливостью: Чжао Лои достаточно было пошевелить пальцем, чтобы вознести его на вершину блаженства, а затем бережно опустить обратно. И он был готов безропотно подчиняться этой силе. Во всём. Чжао Лои был его нерушимой опорой — сильным, надёжным и непоколебимым.

Ближе к концу третьего месяца из Линьчжоу прибыли вести.

Ли Мэн и Цюй Линьхань, шутиливо толкаясь, направлялись в трапезную. После целого дня изнурительных тренировок от них разлило потом так, что обитатели Башни Десяти Направлений шарахались в стороны. И лишь Сюэ Фэн относился к этому философски.

Впрочем, сам Чжао Лои дружелюбием тоже никогда не отличался. Желающие перемолвиться с ним парой слов, может, и находились, да только лезть к нему никто не решался, прекрасно зная о его нелюдимости и не желая наткнуться на холодное равнодушие.

— Что, Четвёртого шишу опять нет? — лениво поинтересовался Сюэ Фэн, усаживаясь рядом с Ли Мэном с миской риса.

Цюй Линьхань тем временем молча раздал всем палочки для еды.

— Ага, до сих пор не вернулся. И Старшего дяди-наставника тоже не видать, — Ли Мэн заметил, что Сюэ Фэн как-то странно замялся. Снизив голос до шёпота, он спросил: — Скажи, в Башне что-то стряслось? Последние пару дней в обеденном зале совсем пусто...

Раньше во время ужина яблоку негде было упасть, теперь же половина столов пустовала. И это продолжалось уже не первый день.

— Да, есть тут кое-какие новости... — Сюэ Фэн явно сомневался, стоит ли откровенничать.

Ли Мэн хотел было расспросить поподробнее, но гул голосов в трапезной внезапно затих. Оглянувшись, он увидел входящего в зал Хо Ляньюня.

Заметив Ли Мэна, Хо Ляньюнь расплылся в улыбке и направился напрямик к их столу. С глухим стуком бросив ножны на столешницу, он бесцеремонно сгрёб парня за плечо и, мазнув взглядом по остальным, весело бросил:

— Надеюсь, вы приберегли для меня местечко? И чур не отдавать его твоему учителю! — последние слова он прошептал Ли Мэну на самое ухо, шутливо пригрозив пальцем.

Будь это раньше, от такой близости Хо Ляньюня сердце Ли Мэна зашлось бы в восторженном трепете.

Теперь же он остался абсолютно спокоен. Поняв из намёка гостя, что Чжао Лои наконец вернулся, Ли Мэн отложил палочки и торопливо поднялся из-за стола.

Выйдя во двор, он заметил двух мужчин, негромко беседующих под навесом галереи. Чжао Лои уловил его появление, скользнул по нему быстрым взглядом и жестом указал обратно в сторону трапезной.

Второй собеседник тоже обернулся.

Ли Мэн сразу узнал его — это был Чай Цзинь, счетовод Башни Десяти Направлений из Линьчжоу. Мыслями парень был уже далеко. Он рассеянно наполнил чашу рисом для учителя и вернулся за стол. Лишь усевшись, он обнаружил, что Хо Ляньюнь примостился на той же скамье, практически вплотную к нему. За их просторным столом вполне могли разместиться ещё четверо — очевидно, места берегли для Чжао Лои и его спутников.

Кусок не лез Ли Мэну в горло; он то и дело бросал нетерпеливые взгляды на входные двери.

Как назло, к тому моменту, когда Чжао Лои и Чай Цзинь наконец соизволили войти, Ли Мэн уже машинально доел свою порцию. Еда в миске, которую он приготовил для учителя, совсем остыла. Выбрасывать было жалко, а предлагать холодное — неловко.

— Это мне? — раздался над ухом тихий голос Чжао Лои.

Ли Мэн замялся, но не успел он и рта раскрыть, как Чжао Лои уверенно забрал у него миску. Одарив Хо Ляньюня тяжёлым, предупреждающим взглядом, он демонстративно устроился за соседним столом. Чай Цзинь последовал его примеру. Из-за расстояния расслышать их неторопливый разговор было решительно невозможно.

Постепенно трапезная пустела. Вскоре в зале остались лишь они. Хо Ляньюнь, с грохотом отставив пустую пиалу, зычно объявил:

— Я задержусь здесь на какое-то время. Так что вы, мелкие паршивцы, марш наводить порядок во дворе!

И, не терпя возражений, увёл всю троицу за собой.

<http://bllate.org/book/18266/1786512>